

ТЕКСТОВЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С НЕДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ

Диалогдук эмес төл сөз менен курулмалардын өздөштүрүүнүн тексттик аспектиси

Textual aspect of the study of constructions with non-dialogue direct speech

Аннотация: В статье рассматривается текстовый аспект изучения функционирования конструкций с недиалогической прямой речью. Исследованы текстообразующая роль и стилистические эффекты прямой речи, а также ее “диалогизированный” или “недиалогизированный” способ репрезентации. Показаны специфические особенности недиалогической одиночной прямой речи, отличающие ее от диалогической прямой речи и порождающие особый стилистический результат при использовании конструкций с прямой речью в художественном произведении.

Аннотация: Макалада диалогдук төл сөз менен берилген курулмалардын пайдаланылышын өздөштүрүүнүн тексттик аспектиси каралууда. Төл сөздүн текст түзүүчү ролу менен стилистикалык эффектери, ошондой эле анын репрезентациясын «диалогдук» же «диалогдук эмес» ыкмасы изилденген. Диалогдук эмес жекелик түрдөгү төл сөздүн, аны диалогдук төл сөздөн айырмалоочу жана көркөм чыгармада төл сөз менен курулгандарды пайдалануу учурунда өзгөчө стилистикалык жыйынтыкты жаратуучу спецификалык өзгөчөлүктөрү көрсөтүлгөн..

Annotation: The article considers the textual aspect of the study the functioning of structures with non-dialogical direct speech. The text-forming role and stylistic effects of direct speech as well as its dialogized or non-dialogized way of representation are researched. Specific features of non-dialogic single direct speech are shown that distinguish it from dialogical direct speech and generate a special stylistic result, when using direct speech constructions in a work of art.

Ключевые слова: функционирование прямой речи, функциональные разновидности недиалогической прямой речи, содержательные возможности диалога, диалогический контекст, авторская репрезентация.

Урунттуу сөздөр: Төл сөздү пайдалануу, диалогдук эмес төл сөздүн аткаруучу милдеттеринин ар түрдүүлүгү, мазмундуу мүмкүнчүлүктөрү, диалогдук контекст, автордук репрезентация.

Key words: functioning of direct speech, functional varieties of non-dialogical direct speech, informative possibilities of dialogue, dialogical context, author's representation.

Изучение конструкции с прямой речью (КПР) имеет свою историю, важнейшим результатом которой явилась ее квалификация как специфической грамматической категории двучастного образования: 1) собственно прямая речь и 2) вводящие авторские слова. (Милых М.К. [1]; Чумаков Г.М. [2] и др.). Путь к этому выбору не был простым и оказался озаменованным различными теоретическими (иногда взаимоисключающими) положениями. При этом все они опирались на один и тот же исследовательский материал -на КПР, используемую в художественном произведении. Однако, как это ни парадоксально, подход к КПР был в основном собственно грамматическим. Некоторым прорывом в функционирование явилось лишь изречение вводящих (весьма разнообразных) авторских слов [3].

Исследование функционирования прямой речи в художественном произведении обнаружило, что ее текстообразующая роль и стилистические эффекты во многом определяются таким существенным

фактом, как “диалогизированный” или, наоборот, “недиалогизированный” способ ее репрезентации. Иначе говоря, недIALOGическая одиночная прямая речь имеет целый ряд специфических особенностей, отличающих ее от диалогической, а следовательно, порождающих особый стилистический результат при использовании конструкций с прямой речью в художественном произведении.

Продemonстрируем это выдвинутое нами положение на примере произведений художественной литературы конца XIX начала XX вв.

Функциональные разновидности недIALOGической прямой речи (НПР) подчинены трем основным целям, реализация которых создает довольно разнообразную картину конкретного использования НПР. Эти цели сводятся к следующему:

I. К необходимости отражения многоголосья окружающего мира, без чего произведение (и романтическое, и реалистическое) оказалось вне живой атмосферы бытия.

II. К необходимости художественно типизировать изображаемое – будь это персонаж или социально-исторические обстоятельства и бытовые ситуации.

III. К необходимости отразить такой весьма распространенный характер человеческого бытия и тип человеческого поведения, когда факт речи становится самым важным элементом возникающей ситуации.

IV. К необходимости соотнести друг с другом авторскую и персонажную речь, особенно в область реализации планов автора/персонажа.

Заметим, что две первые из названных целей взаимообусловлены, при этом они обнаруживают себя не только при репрезентации недIALOGизированных, но и диалогизированных построений. Однако в НПР их конкретная реализация приобретает определенное своеобразие и в силу своей синтаксической и грамматической изолированности обладает большей прагматической силой.

В самом деле, типизация персонажа во многом зависит от той речи, которой наделяет его автор (будь она диалогической или недIALOGической), но выстроенная вне диалога она в большей степени привлекает внимание читателя, тем более, если иметь в виду ее письменную разновидность, связанную с особыми правилами ее оформления. Имея в виду это обстоятельство, обратим внимание на такие частные задачи НПР, как:

- 1) активизация отображения наиболее типичных черт персонажа;
- 2) характеристика персонажей по типичному их выражению;
- 3) характеристика персонажей в наиболее существенные (иногда переломные) моменты жизни.

Проиллюстрируем каждое из названных положений.

Так, короткие одиночные реплики главного героя рассказа “Коновалов” М. Горького, раскрывают его человеческую сущность не менее полно и убедительно чем развернутые описания: тягу к культуре, сложный внутренний мир, пробуждение социального самосознания и умение самозабвенно трудиться.

В репликах Коновалова, несмотря на их краткость, показана его индивидуальная манера речи, ее выразительность и афористичность:

«Он любил работать, увлекался делом, унывал, когда печь пекла плохо или тесто медленно всходило. Сердился и ругал хозяина, если он покупал сырую муку, и был по-детски весел и доволен, если хлебы из печи выходили правильно круглые, высокие, «подъемистые», в меру румяные, с тонкой, хрустящей коркой. Бывало, он брал с лопаты в руки самый удачный каравай, и, перекидывая его с ладони на ладонь, обжигаясь, весело смеялся, говоря мне:

- Эх, какого красавца мы с тобой сработали!».

Коновалов, в отличие от многих других персонажей М. Горького, во всех неудачах своей жизни винит не окружающих, а прежде всего самого себя, удивляя этим будущего писателя:

«А он испытывал удовольствие, бичуя себя; именно удовольствием блестели его глаза, когда он звучным баритоном кричал мне:

- Каждый человек сам себе хозяин, и никто в этом не повинен, ежели я подлец».

Он упорно ищет ответа на вопрос: почему люди несчастны? Его не удовлетворяет критическое осмысление лишь обстоятельств, на первый план выдвигается сам человек, его возможности изменить самого себя.

«Однажды, выслушав в сто первый раз мой проект реорганизации жизни, он рассердился на меня.

- Ну тебя... Слыхал я это... Тут не в жизни дело, а в человеке... Первое дело - человек... понял? Ну, и больше никаких... Этак-то, по-твоему, выходит, что, пока там все это переделается, человек все-таки должен оставаться, как теперь. Нет, ты его перестрой сначала, покажи ему ходы... Чтобы ему было и светло и не тесно на земле, - вот чего добивайся для человека. Научи его находить свою тропу...»

В творчестве М.Горького занимала очень большое место тема «Книги в жизни человека». Показательна в этом отношении и влюбленность в книгу Коновалова:

« - ... Ах, братцы, какие книги есть на свете! Про Пилу... Максим, а?... Братцы, не книга это, а кровь и слезы».

Эти слова Коновалова как нельзя лучше объясняют его приверженность и чуткость к художественному слову – и показательны, что представлены они в виде НПР.

Книга настолько органично входит в жизнь героя, что он называет предметы, с которыми имел дело, именами ее героев, и «...когда однажды с полки упала и разбилась хлебная чашка, он огорченно и зло воскликнул:

- Ах ты, воевода Прозоровский!

Неудавшийся хлеб он величал Фролкой, дрожжи именовались «Стенькины думки»; сам же Стенька был синонимом всего исключительного, крупного, несчастного, неудавшегося».

Весьма симптоматична и реакция Коновалова на форму произведения – он не одобряет, например, отсутствие многоголосья в исторических сочинениях, к которому так привык, слушая произведения художественной литературы:

«И вскоре я уже читал ему Костомарова: «Бунт Стеньки Разина». Сначала талантливая монография, почти эпическая поэма, не понравилась моему слушателю.

- А почему тут разговоров нет? – спросил он, заглядывая в книгу».

Активизация читательского внимания к наиболее ярким чертам своих персонажей достигается М. Горьким и широким использованием пословиц, афоризмов, крылатых выражений, которые щедро включаются им в НПР:

«Поговорками он [Козлов] – читаем в романе «Жизнь Клима Самгина» - был богат, и все они звучали, точно аккорды одной и той же мелодии.

- Главный кирпич не в карнизе, а в фундаменте. Всякий бык теленком был, – то и дело вставлял он в свою речь».

Но афоризмы – это не только средство характеристики речи. В творческой истории горьковских воспоминаний они сыграли роль своеобразного аккумулятора жизненного материала, создавая своего рода смысловую сетку, которую впоследствии, когда нужно было “развертывать слова”, писатель заполнял “художественным” содержанием:

«Нижегородский портной Гамиров говаривал:

- Можно шить костюм для украшения человека, можно и для искажения».

Подобные высказывания можно найти во всех воспоминаниях М. Горького. В них часто воплощено жизненное кредо человека. Не случайно толстовец из трилогии М. Горького озабочен поисками словесной формулы для выражения переполюющего его чувства. И он находит ее в собственном афоризме:

« - Истина – это любовь, - восклицал толстовец, а глаза его сверкали ненавистью и презрением».

Образ мыслей дворника Тихона Вялова из романа «Дело Артамоновых» выразительно очерчен в афоризмах, раскрывающих его думы о смысле жизни.

«Вечерами они сидели с ним у ворот, и Артамонов старший слышал увещевающий голос мужика:

- Это так. Меньше несешь – легче идешь. А насчет углов не верьте. Какие углы в небе?»

Стен в небе нету».

«И Тихон Вялов повторял знакомую Петру свою поговорку:

- Человек – нитку прядет, черт дерюгу ткет, так оно, без конца и идет». В НПП оказался запечатленным и суровый облик Н.Е.Каронина-Петропавловского: *«Кто-то рассказал мне, что в день смерти Каронин грустно сознался:*

- Оказывается умирать гораздо проще, чем жить». Весьма показательным, что именно к пословицам и поговоркам прибегает писатель,

создавая образ любимой бабушки – Акулины Ивановны Кашириной.

«Бабушка, прижав руки к животу, кланялась в спину ему и говорила тихонько:

- Самизнаете — насильно мил не будешь...».

Другой пример:

« – Молодец, - хвалила она, - есть терпенье, будет и уменье!»

Писатель с особым воодушевлением рассказывает о тех из современников, речь которых пленяла его не только остротой мысли, но и блеском формы. Это в полной мере относится к такому талантливому томмисту и красноречивому оратору, как Н.Ф.Анненский:

«Всегда бывало так, что противник вместе с другими искренно смеялся над тем, как Н. Ф., поймав его на противоречиях, ставил в тупик. Помню, возражая Барамзину, он так и начал:

- Рыбу ловят на червей, человек - на противоречиях.

Он был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи. Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество пословиц, поговорок и артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружая её. Не знаю, это ли называется "талантом оратора", но слушать его было наслаждением. Помню, что по поводу какой-то статьи М.Меньшикова о Льве Толстом или о князе Вяземском, толстовце, он сказал:

- Верблюд, рассказывая о коне, неизбежно изобразит его горбатым».

Красоту устной речи М. Горький видит в краткости и смысловой точности. Яркие образцы устной речи даны М. Горьким в воспоминаниях о Л. Красине.

«В 1905 году, когда, при помощи Саввы, в Петербурге организовывалась «Новая жизнь», а в Москве «Борьба», Красин восхищался:

– Интереснейший человек Савва! Таких вот хорошо иметь не только друзьями, но и врагами. Такой враг – хороший учитель».

В качестве особого приема в произведениях М. Горького используются одиночные реплики, являющиеся любимыми выражениями тех или иных персонажей. Так, в восьмой главе своей трилогии М. Горький описывает одного из нахлебников, живущих в доме Кашириных:

«Это был худощавый, сутулый человек, с белым лицом в черной раздвоенной бороде, с добрыми глазами, в очках. Был он молчалив, незаметен и, когда его приглашали обедать, чай пить, неизменно отвечал:

- Хорошее дело».

В последующем авторском повествовании мы так и не узнаем ни имени, ни фамилии этого человека. Автор сообщит нам лишь о том, что бабушка Акулина Ивановна, чуткий к языку человек, прозвала своего нахлебника “Хорошее дело”.

Повторяющаяся одиночная реплика характерна и для других персонажей М.Горького. Один из персонажей романа “Жизнь Клима Самгина” – учитель истории, из-за своей привычки обращаться к одному и тому же выражению получает прозвище “Гнус”:

«Некоторые были физически неприятны ему: математик страдал хроническим насморком, оглушительно и грозно чихал, брызгая на учеников, затем со свистом выдувал воздух носом, прищуривая левый глаз, историк входил в класс осторожно, как полуслепой, и подкрадывался к партам всегда с таким лицом, как будто хотел дать пощечину всем ученикам двух первых парт, подходил и тянул тоненьким голосом: - Н-

ну-ус...

Его прозвали – Гнус».

Мир для М.Горького невозможен без звуков. Это в равной степени относится и к человеку, который невозможен вне речи. Внимание к звуковой стороне бытия у писателя настолько велико, что в ряде случаев в форму НПР облакаются отдельные междометия и звукоподражательные слова.

«Особенно громко и самодовольно звучал басовитый рубленый смех писателя:

- Хо. Хо.Хо.». (Жизнь Клима Самгина)

Особую роль приобретает КПР и при реализации такой задачи, как характеристика персонажей в наиболее существенные (иногда переломные) моменты их жизни.

Роман "Дело Артамоновых" охватывает весьма большой период времени – более полувека, с 1863 по 1917 год. В произведении раскрываются социальные и экономические предпосылки революции.

Чем объясняется падение Артамоновых? С одной стороны, общим процессом вырождения определенного социального класса, а с другой стороны, - конкретными историческими причинами, нарастанием острейших классовых конфликтов.

На примере Артамоновых М. Горький показал деградацию семьи. Если старший, Илья Артамонов, был хозяином дела, то его сын, Петр, чувствовал себя только рабом этого дела. Внук же, Яков, сознает себя уже просто ненужным гостем.

Именно поэтому так контрастно выглядит сцены предсмертных часов, с одной стороны Ильи, с другой, - Петра. Это отражается и в НПР. Контраст отношений к жизни отца и сына Артамоновых показан М. Горьким в этом своеобразном зеркале с огромной силой. В романе противопоставляются их предсмертные реплики. Энергичный, не жалеющий себя для дела надорвавшийся Илья, думает перед смертью о делах:

« – Петруха, Олеша – дружно живите. С народом поласковой. Народ – хороший. Отборный...».

Совсем иным предстает в свой "смертный час" Петр:

« – Есть хочу, - сказал Артамонов; ему не ответили. Синеватая, сырая мгла наполняла сад; перед беседкой стояли, положив головы на шеи друг другу, две лошади, серая и темная; на скамье за ними сидел человек в белой рубахе, распутывая большую связку веревок.

-Наталья, - слышишь? Есть давай...».

Функционально-содержательная установка приведенных НПР существенна для реализации идейно-прагматического замысла произведений М. Горького. Но использование НПР играет не только идейно-содержательную роль, оно важно в художественном отношении, в частности, и для отражения той языковой полифонии, без которой, как показал М.Бахтин [4], невозможно создать современное художественное произведение, в котором весьма важно соотношение авторской речи с речью персонажей. Соотнесенность в творчестве М.Горького планов автора и персонажа – особая тема, в данном же случае обратим внимание на специфическое использование НПР, когда последняя становится своеобразным мостиком между авторской и персонажной речью. М.Горький прибегает к стилистическому приему "подхвата" персонажного выражения:

«Стены комнат колонии оклеены пестрыми плакатами, диаграммами и рисунками детей на различные героические темы.

- Ну, это - так себе, - правильно сказал о картинках один пионер. Да – "так себе". На одной из них оранжевые облака похожи формой на французские булки, зеленовато-синие деревья – на малярные кисти, но голубые пятна между облаков, золотистый песок и все вместе сделано очень гармонично по краскам».

Приведенные примеры свидетельствуют о широком использовании в творчестве писателей конца XIX начала XX вв. НПР и тех различных ее стилистических эффектах, которые создаются этой конструкцией при отражении многоголосья мира и типизации изображенных людей и обстоятельств.

Список цитируемых источников:

1. Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. - Ростов-на-Дону, 1958.
2. Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с прямой речью. - Киев: Вища школа, 1975.
3. Милых М.К. Структура диалога и типология реплик // Проблемы языка и стиля А.П.Чехова. - Ростов-на-Дону, 1963.
4. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.

Рецензент: Акпаралиев Дж. А. - кандидат филологических наук, доцент КНУ им. Ж.Баласагына